

основывающийся прежде всего на антропологических параметрах, на категориях «здравого смысла», «золотой середины», истоки которых восходят к именам античных мыслителей. Для автора-бытописателя, каким и был Бегичев, человек важен в своих повседневных проявлениях: внешний вид, манера поведения, речевые особенности, соблюдение или несоблюдение светского этикета. Именно на изучении быта и бытового поведения и обыденного сознания индивидуума строил в конце 1980-х – начале 1990-х гг. свою концепцию русской культуры Ю.М. Лотман. В деталях одежды, системе жестов, обстоятельствах частной домашней жизни и т.п. он искал культурный код эпохи, выводящий на ценности высшего порядка, ибо «мир идей неотделим от мира людей, а идеи – от каждодневной реальности» [6, с. 10].

Категория повседневности действительно переводит историю в другую плоскость. Бытовые детали, подмеченные автором, помогают читателю ощутить «дух времени», соотнести частное существование личности с общечеловеческим. Выражение «практической философии ума русского» [1, т. I, с. 50] мы и находим отчасти в романе Д.Н. Бегичева. Поэтому не вызывает сомнения: в литературе первой трети XIX в. он занял свою вполне законную «нишу».

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953 – 1959.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М. – Л., ГИХЛ, 1963. Т. 6.
3. Вердеревская Н.А. Русский роман 40–60-х годов XIX века (Типология жанровых форм). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
4. Жаравина Л.В. В преддверии гоголевского смеха // Рус. литература. 1975. № 1.
5. Кикина Л.Д. Д.Н. Бегичев (1786–1854) // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – начало XX в. / ред.-сост. В.А. Тонков, О.Г. Ласунский. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб. : Искусство – СПб., 1994.
7. Мещеряков В.П. Бегичев Д.Н. // Русские писатели. 1800 – 1917: биограф. словарь. Т. 1: А – Г. М. : Сов. энцикл., 1989.
8. Мещеряков В.П. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в.). Л. : Наука, 1983.
9. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М. : В типогр. Августа Семена, 1829.

10. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М. : Худож. лит., 1972.

11. Пиксанов Н.К. История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // Горю от ума / А.С. Грибоедов. М. : Наука, 1987.

12. Полевой Н.А. История русского народа. М. : В типогр. Августа Семена, 1829. Т. 1.

13. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3.

Novel by D.N. Begichev “The Kholmisky Family” in the context of literary life of the 1830s

There is considered the novel by D.N. Begichev “The Kholmisky Family” as the example of moral descriptive fiction of its time, as well as in connection with the main value guidelines of historiography of N.A. Polevoy implemented in one of the leading areas of the modern science – particular history, or the history of everyday life.

Key words: “secondary” prose, moral descriptive fiction, way of life of the epoch, category of everyday life, particular history.

Н.Г. ЮРИНА
(Саранск)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В.С. СОЛОВЬЕВА

Показано, что в творчестве В.С. Соловьёва особое место занимают биографические произведения в их важнейших разновидностях – документальные, беллетризованные, научные.

Ключевые слова: жанр биографической прозы, беллетризованные, документальные и научные биографии, художественные особенности, композиция, художественные приемы.

Биографические произведения в художественном творчестве Владимира Сергеевича Соловьёва – количественно небольшая, но чрезвычайно интересная часть его наследия. Они практически не изучены, в отличие от его философии, поэзии, публицистики и литературной критики. Тем не менее совершенно очевидно, что обращение к художествен-

ным опытам Соловьева в области жизнеописания, с одной стороны, позволит очертить границы его литературного наследия более четко, с другой – расширит представление о бытовании этой жанровой разновидности в русской литературе конца XIX в.

Данное небольшое исследование является одной из первых попыток комплексного анализа произведений биографического жанра в литературном наследии Соловьева в связи с художественными исканиями в этой области последнего десятилетия XIX в. Разумеется, мы не претендуем на полное и окончательное решение данной проблемы, которая в современном российском литературоведении наметена лишь в общем виде.

К 1890-м гг., когда Соловьев впервые обратился к биографическому жанру, в русской литературе уже оформилось несколько его разновидностей: беллетризованная, документальная и научная биографии. Вслед за Г.В. Казанцевой [1] мы разграничиваем эти виды биографий по субъекту деятельности: писатель – субъект беллетристической деятельности, публицист – субъект документально-публицистической деятельности, историк, литературный критик – субъекты научной деятельности. Соловьев проявил себя и в беллетризованной, и в документальной, и в научной биографиях.

Самая известная биография, написанная Соловьевым, – это документально-биографический очерк для биографической серии Ф.Ф. Павленкова «Магомет. Его жизнь и религиозное учение». Произведение создавалось в 1896 г. и было уникально прежде всего в отношении главного героя повествования. Это не писатель (наиболее распространенная форма биографий в русской словесности XIX в.) или государственный деятель, не путешественник или художник, не музыкант или актер, не ученый или полководец, не деятель церкви или философ. Вместе с тем он и не частное лицо, не оставившее заметного следа в истории. Это основатель одной из мировых религий, имеющих сильное влияние на человечество до сегодняшнего времени. В серии Павленкова готовилось несколько биографий выдающихся людей – основателей религий и святых. В том же 1896 г. был опубликован биографический очерк «Франциск Ассизский» Э.К. Пименова, через год – «Будда» К.М. Корягина и др. Для Соловьева обращение к жизни религиозного деятеля такого масштаба означало огромную ответственность и необходимость тщательной подготовки. Он был

убежден в том, что для «поэтического изображения совершенного человека» необходимы «пророческое угадывание» и «прямо творческая сила» [5, с. 82]. В работе «Разбор книги г. К. Случевского» Соловьев писал: «В отношении к известным предметам серьезный писатель обязан принимать меры предосторожности и против невольных грехов со своей стороны. Самая лучшая и общедоступная из предупредительных мер состоит здесь в том, чтобы вовсе не братья за такие темы, если не имеешь особого призвания и подготовки к этому делу и не смотришь на него как на главную задачу своей жизни» [6, с. 593]. Столь необычный герой стал возможен для Соловьева-писателя именно через посредство документально-биографического жанра. В предисловии к тексту автор отмечал: «Главным источником для этой книжки был Коран, которым я пользовался в различных переводах, старых и новых» [3, с. 6]. Таким образом, в качестве документа здесь выступала Священная книга мусульман. Иногда целые главы у Соловьева состояли из подборки цитат из разных сур, например глава 6 «Взгляд Мухаммеда на самого себя». Соловьев, видимо, опирался в своем изложении и на исторические источники, в частности на работы Г. Гримме, но обыкновенно давал им свою интерпретацию, соответствующую общему направлению повествования.

По форме авторского присутствия очерк «Магомет. Его жизнь и учение» может быть отнесен к биографии с явной формой авторского участия в тексте. Это проявляется и непосредственно через прямое выражение авторской позиции в отношении изображаемого, и через идейно-содержательный, композиционный аспекты. Говоря об особой миссии Мухаммеда во всемирной истории, Соловьев, например, рассуждал о сущности гениальности вообще и религиозном гении в частности: «Чтобы получить историческую миссию в каком-нибудь деле, необходимо прежде всего иметь прирожденное дарование или особенную способность именно к этому делу. <...> У Мухаммеда, несомненно, был специальный религиозный гений» [3, с. 17]. Автор отнюдь не идеализировал своего героя, указывал на его многоженство, фанатизм, нетерпимость, проповедь религиозного насилия. Вместе с тем Мухаммед у Соловьева – человек особенный, избранный. Он способен видеть вещие сны, переживать божественные видения, в которых получал откровения и поручения проповедовать. Значение личности Мухаммеда Соловьев связывал с его историче-

ской деятельностью – пропагандой божественной религии и борьбой с расколом. Основной ограниченностью мирозерцания Мухаммеда автор считал отсутствие идеала человеческого совершенства или совершенного соединения человека с Богом: «Мусульманство требует от верующего не бесконечного совершенствования, а только акта безусловной преданности Богу...» [3, с. 79–80].

С точки зрения жанрово-видовой характеристики в очерке Соловьева происходит сочетание событийной биографии и биографии описательной. Жизнь героя рассматривалась здесь как отражение событий определенно-исторического периода. Первая глава повествования «Историческая рамка» описывала население Аравии, культуру, правителей и города к моменту рождения Мухаммеда. В эту историческую канву вплеталось описание его жизни от рождения до смерти. В содержании работы биографические и исторические моменты тесно переплетались с авторскими философскими суждениями, разного рода пояснениями и комментариями.

Судя по структуре книги и основной его идее, для авторского замысла было чрезвычайно важно не только представить основные вехи в жизни героя, определить его значение в мировой истории, но и осветить характер взаимоотношений ислама с христианством. Все повествование неспешно ведет к основному выводу: «Между языческой чувственностью (мед) и христианской духовностью (вино) Ислам в самом деле есть здоровое и трезвое молоко: своими общедоступными догматами и удобоисполнительными заповедями он питает народы, призванные к историческому действию, но еще не доросшие до высших идеалов человечества» [3, с. 79]. В соответствии с этим в структуру произведения включались главы «Сущность Ислама. – Вера Аврамова. – Отношение к другим монотеистическим религиям», «Недовольство Мухаммеда против евреев. – Перемена киблы. – Повышенное самознание» и др.

По типу композиции «Магомет. Его жизнь и религиозное учение» – это разновидность биографии с фрагментарной композицией, когда автор вычленил из жизни героя отдельные фрагменты, наиболее ярко его характеризующие. Отчасти этот выбор объяснялся жанровой особенностью произведения, отчасти – формой главного источника, Корана. По наличию художественного вымысла в тексте следует признать произведение Соловьева биографией, где вымысел присутствует в качестве вспомогательного средства для описания

событий, которые не подтверждены документально. Правда, автор не злоупотреблял вымыслом, применял его чаще для связки документированных событий или для их комментария. Для жизнеописания Магомета Соловьев использовал приемы характеристики главного героя через высказывания других известных людей, ретрансляции, авторской оценки героя.

Очерк Соловьева был написан в просветительском духе издания Павленкова. С одной стороны, биография популяризирована, с другой – максимально объективна, делает акцент на великих деяниях человека, оставившего заметный след в мировой истории. Хронологический принцип изложения повествования, сочетание биографических фактов с историей внутренней жизни, души героя – вот те характерные черты павленковских биографических произведений, от которых не мог быть вполне свободен Соловьев. Вместе с тем для его очерка характерно яркое проявление авторского Я, публицистичность.

«Жизненная драма Платона» – беллетризованная биография, написанная Соловьевым в 1898 г. В последние годы жизни Соловьев очень пристально изучал философское наследие Платона, переводил на русский язык его диалоги, написал статью «Платон» для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. «Жизненная драма Платона», созданная Соловьевым в период глубокого погружения в мир древнегреческого мыслителя, – не только описание жизни героя, очерк истории философских идей. В этом произведении много авторских размышлений о смысле жизни и судьбе. Через описание жизни Платона Соловьев стремился приблизить читателя к пониманию закономерностей рождения и роста таланта в сфере философии, отразить трагическое одиночество гения. При этом философские размышления и суждения автора давались в развернутом, объемном виде. Вот почему, на наш взгляд, «Жизненную драму Платона» можно считать философской биографией.

Концепция земного пути главного героя для Соловьева строится на убеждении в том, что для Платона жизнь была «глубокая и сложная, все его существо обнимающая драма» [2, с. 239–240]. Начало этой «жизненной драмы» Соловьев видел в необходимости преодолеть трагическую катастрофу, которой стала для Платона гибель Сократа, искателя правды и духовного подвижника. Смерть учителя была для Платона не просто личной трагедией, она была трагедией философской, ибо показывала, что «для правды смерть оказалась единственным уделом, а жизнь и дей-

ствительность отошли к злу и лжи» [2, с. 257]. Осмыслив это, гений Платона изложил новый взгляд на мир – «платонический идеализм», в основе которого убеждение в том, что тот мир, где «праведник должен умереть за правду, не есть настоящий, подлинный мир», что «существует другой мир, где *правда живет*» (Там же, с. 260).

Во второй части очерка Соловьев говорил о любовной трагедии Платона, при этом собственно биографические факты не приводились, а делалась ссылка на диалоги «Пиршество» и «Федр». Автор достаточно подробно проанализировал содержание этих диалогов, что внесло в биографический очерк черты литературно-критической биографии. Соловьев в какой-то степени восстанавливал, в какой-то – додумывал теорию любви Платона, исходя из собственных представлений о предмете. Смысл «эротического крушения» греческого философа он видел в возвышении над смертным большинством в теории и прозябании на уровне обыкновенного человека в жизни. Автор акцентировал внимание на эмоциональной характеристике положения и толковал его как «драму»: «Столкновение высоких требований с реальной немощью более драматично у Платона именно потому, что он яснее других сознавал эти требования и легче других мог бы одолеть эту немощь своим гением» [2, с. 272].

В «Жизненной драме Платона», беллетризованной биографии, Соловьеву были интересны прежде всего личность и философия его героя. Вот почему он использовал вневременной способ повествования, цитировал глухо, избегал точных ссылок на источники, часто подменял собственно биографию общими философскими суждениями. Эта черта определила цикличность композиции, частое возвращение к ранее сказанному. Автор не только явно присутствовал в тексте, но и свободно варьировал исторические факты по своему усмотрению, одновременно критически анализируя личность своего героя и его поступки. Документы выполняли в тексте вспомогательную функцию.

Примерами научных биографий, созданных Соловьевым, могут служить его биографические статьи о русских поэтах и писателях для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Жанр энциклопедической статьи в силу своего объема требовал более тщательного отбора биографических фактов, поэтому Соловьев, как правило, выбирал описательную биографию в сочетании с биографией художественно-критической. Место публи-

кации определило неявную форму авторского присутствия в тексте и характер соотношения документального и вымышленного. По сути, это были документированные биографии с полным отсутствием вымысла. Их композиции были цепочными, жизнь героя изображалась как ряд событий в хронологической последовательности.

В энциклопедической статье «Майков (Аполлон Николаевич)» (1896) Соловьев сообщал, что это «один из главных поэтов послепушкинского периода» [4, с. 549]. Далее кратко описывались семья, учителя Майкова, полученное им образование, стихотворческий и живописный таланты. Особо Соловьев останавливался на заграничном путешествии героя в 1842 г. и его службе в министерстве финансов, Румянцевском музее, в комитете иностранной цензуры. Подробно характеризовалась поэтическая деятельность Майкова, определялись оригинальные черты его лирического таланта: «поэзия Майкова отличается ровным, созерцательным настроением, обдуманностью рисунка, отчетливостью и ясностью форм, но не красок, и сравнительно слабым лиризмом» (Там же, с. 549). Соловьев анализировал тематический диапазон поэтического творчества этого автора, выделял лучшие, по его мнению, стихотворения – «Сон», «Воспоминание», «Эхо и молчание», «Поэзия», «Барельеф» и др. Главным трудом всей жизни поэта составитель статьи назвал историческую трагедию «Два мира». Слабыми произведениями с «запутанностью и растянутостью изложения», «многословием действующих лиц» он считал «Княжну» и «Брингильду».

В основе биографического описания в энциклопедической статье Соловьева лежали жесткая выборка биографических фактов, краткость изложения. Это, конечно, во многом объясняется спецификой жанра, но, видимо, и убежденностью автора в значимости для читателя только тех жизненных фактов, которые имеют непосредственное отношение к роду деятельности, выдвинувшей конкретного человека из социальной среды. Литературно-критический анализ здесь преобладал над воспроизведением биографических данных. Соловьев создавал документированные биографии с цепочной композицией, где вымысел полностью отсутствовал. В научные биографии он включал и собственное осмысление материала, предположения, гипотетические концепции, субъективное толкование личности и его внутреннего мира, но они не подменяли фактов.

Итак, Соловьев не раз обращался к жанру биографии на протяжении второй половины 1890-х гг. Отчасти его подтолкнули к прозам пера в этом жанре жизненные обстоятельства – приглашение к сотрудничеству в биографической серии Павленкова, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отчасти он пришел к нему в результате собственной творческой эволюции. Биографии стали для него первыми опытами в области художественной прозы, к которой он обратился только в последнее десятилетие своей жизни. С художественной стороны биографические произведения Соловьева вряд ли можно считать выдающимися. Большинство из них написаны «на заказ», следовательно, оформлены в соответствии с требованиями тех изданий, которым они предназначались. Только в «Жизненной драме Платона», напечатанной в «Вестнике Европы», Соловьев был полностью свободен в проявлении собственного Я. В итоге была создана философская биография, впитавшая в себя своеобразие личности и философские раздумья самого автора. Это можно считать ощутимым вкладом Соловьева в развитие биографического жанра конца XIX в. Ко второй половине 1890-х гг. Соловьев вполне оформился как незаурядный критик со своими критическими принципами и приемами. Вот почему в его биографических работах можно наблюдать сильную литературно-критическую струю. Для поэтики жизнеописаний Соловьева характерны развернутое цитирование документов, привлечение самохарактеристик героев, фрагментарность композиции, философичность, внимание к историческому контексту.

Литература

1. Казанцева Г.В. Беллетризованные биографии В. П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2004.
2. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В. С. Смысл любви: избр. произведения. М. : Современник, 1991. С. 236 – 283.
3. Соловьев В.С. Магомет: его жизнь и религиозное учение. М. : Центр «Руник», 1991.
4. Соловьев В.С. Майков (Аполлон Николаевич) // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 549–554.
5. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Смысл любви: избр. произведения. М. : Современник, 1991. С. 69–84.

6. Соловьев В.С. Разбор книги г. К. Случевского // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 583–605.

Artistic originality of the biographic prose by V.S. Solovyov

There is shown that the greatest attention is paid by V.S. Solovyov to biographic books in their most important types – non-fictional, fictional, scientific.

Key words: genre of the biographic prose, fictional, non-fictional and scientific biographies, artistic peculiarities, composition, artistic devices.

Е.С. БИРЮЧЕВА, А.Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ
(Волгоград)

ДОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПРОЗЕ ИВАНА САЗАНОВА*

Анализируются донские литературные традиции в творчестве И.Д. Сазанова. Особое внимание уделено принципам художественного воплощения проблемы «казачество и власть», занимавшей центральное место в дореволюционной донской литературе.

Ключевые слова: казачество, донская литература, традиция, новаторство.

И.Д. Сазанов вошел в донскую литературу начала XX в., когда в ней уже звучали сильные голоса Ф. Крюкова, Р. Кумова, А. Серафимовича. Донская тема появляется в первых заметках и очерках Сазанова, опубликованных в царицынских газетах. На донском материале написаны лучшие рассказы первого периода творчества писателя. Большинство из них увидело свет на страницах руководимого В.Г. Короленко журнала «Русское богатство». Они привлекли читателя не только талантливым изображением традиционного самобытного уклада казачьей жизни, но и правдивым отражением тех социальных перемен, которые были связаны с политикой царского пра-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-14-34004 «Литературное наследие И. Сазанова».